

УДК 327–027.45

**Цыганков П.А., Карабанова М.А., Бортников В.С., Юань Сюнь,
Болохов И.И., Дай Вэйцзин, Мамедов И.Б. оглы, Дорохина К.М.,
Паршина Т.Н., Тюренкова Е.Н., Дашкина И.В., Груздева П.О.**

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Аннотация. 26 апреля 2017 г. на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся круглый стол «Глобальная и региональная безопасность в условиях меняющегося миропорядка». В процессе дискуссии обсуждался вопрос о необходимости переосмысления категории «безопасность» с учётом новых вызовов и угроз действующему мировому порядку. Региональная безопасность была рассмотрена в глобальном измерении, в контексте её влияния на мирополитические процессы. Интересы участников были сосредоточены на анализе политики безопасности России, на тенденциях евразийской интеграции, а также на деятельности межгосударственных объединений. Результатом обмена опытом стало формирование актуального представления о глобальной и региональной безопасности. Модератором круглого стола выступил профессор П.А. Цыганков.
Ключевые слова: безопасность, Арктическая зона России, Каспийский регион, Карибский бассейн, евразийская интеграция, ШОС, ОБСЕ, ЕАЭС, Экономический пояс Шёлкового пути.

***P. Tsygankov, M. Karabanova, V. Bortnikov, Yuan Xin, I. Bolokhov, Dai Weijing,
I. Mamedov, K. Dorokhina, T. Parshina, E. Tyurenkova, I. Dashkina, P. Gruzdeva***

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY IN TERMS OF THE CHANGING WORLD ORDER (ROUND TABLE)

Abstract. The round table “Global and regional security in terms of the changing world order” was held on April 26, 2017 at the Department of comparative political science of Lomonosov Moscow State University. In the course of the discussion the necessity of reevaluating the concept “security” with taking into account new challenges and threats to the contemporary world order was considered. Regional security was analyzed from the global perspective, regarding its influence on the world political processes. The delegates’ attention was primarily focused on the analysis of the Russian security policy, the tendencies of the Eurasian integration and the intergovernmental organizations activities. This round table gave postgraduate students an opportunity to exchange the ideas and to form a holistic view on global and regional security. Professor P.A. Tsygankov was the moderator of the round table.

Key words: national security, economic security, demographic security, ethno-political security, Arctic zone of Russia, Caspian region, Caribbean Region, Eurasian integration, SCO, OSCE, EEU, Silk Road Economic Belt.

Цыганков П.А.,

доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сложившаяся после Второй мировой войны система международных отношений переживает серьёзные потрясения. Без малого три десятилетия, прошедшие после распада Советского союза, она находится в состоянии перехода к новому миропорядку, состоянию, которое осложняется противоборством двух моделей – неудавшейся однополярности и незавершённой многополярности. Дополнительное обострение этому противоборству придаёт всё более очевидная полицентричность глобальной политики, когда транснациональные силы, неподконтрольные какому-либо правительству или межправительственным организациям, заметно меняют международный пейзаж. Вестфальский миропорядок испытывает трансформации, конкуренцию и давление со стороны негосударственных игроков и их объединений. Символическими образами современного мира стали новые акторы, в числе которых транснациональный олигархический капитал, отдельные биржевые спекулянты, политически мотивированные амбициозные миллиардеры, террористические группировки, различного рода активисты, а также такие процессы, как миграционные потоки, информационные войны, кибератаки, «цветные революции» и т. п. В таком контексте восторженные ожидания и прогнозы наступления эпохи всемирной демократии и универсальных ценностей, которые часть академического и экспертного сообщества международников в 1990-е гг. связывала с окончанием биполярного противостояния, быстро ушли в прошлое. Заметным становится своего рода перелом и в трактовке глобализации: сутубо оптимистические интерпретации её текущих и будущих последствий ещё остаются, но всё более «сдуваются» на фоне осмысления современного состояния мирового развития в терминах «тёмной стороны глобализации», «глобальной турбулентности», «всеобщей неопределённости», «мирового общества риска», «кризиса цивилизации» и т. п.

Всё говорит о том, что в условиях переходного характера международного порядка центральной для мирового развития стала проблема глобальной безопасности. При этом главный источник глобальных угроз нередко представляется как непримиримое противоборство между государствами и группами государств, одни из которых защищают либеральный, а другие – Вестфальский миропорядок. Соответственно, главным предметом столкновения на базовом уровне мировой политики, с этой точки зрения, являются либеральные принципы: одни (США и «коллективный Запад» в целом) выступают за их всеобщее распространение, а другие (Россия, Китай и прочие незападные страны) решительно выступают против этого. Обострение отношений Запада и России иногда представляется в терминах «новой холодной войны», когда они, не вступая друг с другом в «лобовое» вооружённое противостояние, с одной стороны, ведут военные действия, в том числе гибридные, прокси- и иные войны, на периферии мировой системы и в её наиболее уязвимых друг для друга регионах (в частности, таких как Украина или Сирия), а с другой – осуществляют подрывные мероприятия в интернет-сетях, медийном пространстве, используя для этого самые современные информационно-коммуникативные технологии.

Однако такая чёрно-белая картина, не принимающая во внимание оттенки и цветов, упрощает реальность, упускает или игнорирует нюансы и, в конечном счёте, искажает представление об имеющихся тенденциях. В целом же, в данной связи следует отметить четыре момента.

Во-первых, аналогия современной ситуации с холодной войной XX в. «хромает» в том отношении, что структура современной среды глобальной безопасности не несёт в себе иерархической конфигурации, которая была характерна для эпохи биполярного противостояния. Сегодня региональная безопасность перестаёт играть роль клиента глобальных процессов, она всё более заметно зависит от решений и действий, принимаемых на «низовом» уровне. Региональные процессы не только отражают глобальную обстановку, они не только представляют собой её проявления, но и серьёзно влияют на расстановку сил в планетарном масштабе и на общую ситуацию в сфере угроз и вызовов мировому развитию.

Во-вторых, если государства группы БРИКС или другие нелиберальные страны отстаивают тенденцию к многополярности, это не означает, что они выступают в защиту Вестфальского международного порядка в духе XVII столетия. Можно напомнить, что ещё совсем недавно на Западе Индию называли «самой большой демократией в мире» (имея в виду численность её населения и демократическое государственное управление), что Китай последовательно выступает за свободу торгово-рыночных отношений, что Россия, выступая за неукоснительное соблюдение норм междуна-

родного права, в том числе в гуманитарной сфере, настаивает прежде всего на их общепринятой, согласованной трактовке, с учётом решений, принимаемых ООН и другими авторитетными международными организациями.

В-третьих, для сторонников многополярности государства действительно выступают ключевыми игроками мировой политики (со всей вытекающей из данного факта ответственностью за последствия своих их решений и действий). В то же время это не означает, что, ведя борьбу с международным терроризмом, страны, выступающие против гегемонизма одного или нескольких государств на мировой арене, склонны подавлять всех других *легитимных* действующих лиц. Деление террористов на «своих» и «чужих», односторонние силовые действия в обход Совета Безопасности ООН позволяют себе как раз США и их союзники, принижая тем самым роль наднациональных институтов и международных режимов, что создаёт и воспроизводит угрозы глобальной безопасности.

Наконец, в-четвёртых, основные угрозы как глобальной, так и региональной безопасности связаны не с защитой или, напротив, подавлением либеральных ценностей, а с навязыванием, в том числе силовыми средствами, их одностороннего понимания, отрицающего возможность и право на их трактовку с учётом культурно-исторического и цивилизационного своеобразия стран и народов.

Существенной чертой современного мирового развития является формирование социально-политического пространства, в котором все проблемы, и прежде всего проблемы безопасности, становятся взаимосвязанными, требующими планетарного решения. Наталкиваясь на попытки диктовать такое решение из одного «центра» (будь то США или т. н. коллективный Запад в целом), тенденция становления единого мира находит своё выражение в «своём ином» – в многообразных и многочисленных проявлениях фрагментации. Распространение терроризма, экспансия обменов, социальное и экономическое неравенство, молодёжная безработица, информационно-пропагандистское давление, экологические проблемы, пандемии, наркотрафик, миграционные потоки влекут за собой стремление внести организацию в этот хаос, контролировать его на уровне регионов. Иначе говоря, ответом на возрастающие угрозы стала тенденция регионализации – возникновение неформальных ансамблей по координации действий правительств на основе дву- или многосторонних взаимных соглашений, а также создание государствами формальных интеграционных объединений с целью адаптироваться к исключительно сложным условиям всё более взаимосвязанного мира и решить задачи в области безопасности. В таком контексте весьма своевременными и актуальными стали инициированные Россией и Китаем сопрягающиеся интеграционные процессы на

пространстве Большой Евразии: Шанхайская организация сотрудничества (которая в июне 2017 г. расширилась за счёт новых членов – Индии и Пакистана), Экономический пояс Шёлкового пути, ЕАЭС и ОДКБ.

Нам предстоит попытаться внести ясность в следующие вопросы: каково влияние вышеуказанных процессов на региональную и глобальную безопасность? в чём состоят неизбежно возникающие в ходе их реализации субрегиональные проблемы и каковы пути их решения? наконец, какие направления внешней политики России требуют в данной связи особого внимания от её руководства?

Карabanова М.А.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Национальная безопасность России определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан. Она включает в себя оборону страны, а также государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности [24].

Политические и экономические процессы в современном мире взаимосвязаны – политическая мощь зачастую определяется экономическими возможностями государства. Именно поэтому противодействие угрозам экономической безопасности сегодня становится одной из наиболее приоритетных задач, стоящих перед руководством страны. Данные вызовы можно разделить на два блока – внутренние, обусловленные проблемами экономического развития страны и внешние, связанные с воздействием глобальных и региональных кризисов, нехваткой ресурсов, ограничительными механизмами и т. д. Нельзя рассматривать и решать данные проблемы автономно, однако для России следует выделить первичность внутренних угроз экономической безопасности.

Как отмечает В.М. Холодков, «именно накопленные структурные диспропорции в российской экономике обусловили её уязвимость перед воздействием извне» [28], и с этим трудно не согласиться.

С момента образования Российской Федерации во внутренней и внешней политике произошли серьёзные изменения. Тем не менее, сохраняются те негативные факторы и недостатки экономического развития, которые препятствуют усилению позиций государства в мировом хозяйстве и на мировой арене в целом. Так, например, до сих пор в качестве одного из основных инструментов Россия использует свой энергетический потенциал, что сдерживает процессы модернизации и способствует сохранению состояния зависимости от стран-импортёров российского сырья. Производители отечественной продукции (за исключением отдельных, преимущественно связанных с тяжелой промышленностью отраслей) пока ещё не смогли полностью адаптироваться к ужесточению конкуренции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Соответственно, одна из наиболее важных задач государства по преодолению структурной деформации экономики и дальнейшему развитию внешнеторговых связей заключается в переходе на инновационно-производственный вектор развития.

По мнению авторов доклада «Геоэкономика и конкурентоспособность России», в отношении России и других развивающихся стран, находящихся в процессе перехода к рыночной экономике, наиболее важной представляется «проблема осознания новейших трендов в развитии мирового обмена» для их применения во внешнеэкономической деятельности [6]. В первую очередь данная проблема касается интенсивной модели развития с применением наукоёмких технологий в производстве продукции. Среди современных мировых тенденций также следует отметить акцентирование внимания производителей на вопросах защиты окружающей среды, организации предприятий по переработке и вторичному использованию сырья, благотворительной деятельности и на других общегуманитарных проблемах.

Все эти проблемы отмечаются в Стратегии национальной безопасности в качестве главных стратегических угроз в области экономики. Для их преодоления органами, реализующими социально-экономическую политику государства, разработан план действий, направленный на достижение следующих целей: обеспечение устойчивости макроэкономической ситуации и стимулирования темпов роста экономики; снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции; развитие новых высокотехнологичных отраслей; привлечение иностранных инвестиций и технологий; реализацию совместных проектов; расширение рынков сбыта российской продукции и т. д. [24].

Таким образом, можно отметить положительные изменения, происходящие в российской экономике, несмотря на кризисную ситуацию. Однако, как справедливо отмечает экс-министр финансов А.Л. Кудрин, к негативным факторам следует отнести не только внутриэкономические проблемы, но и политические риски: «Мир ещё не нашёл ответ на вопрос

о том, станет ли Россия закрытой страной, или же она интегрируется в мировую экономику» [19].

Действительно, в текущей ситуации, связанной с воздействием на экономику России санкций и с ограничениями цен на нефть, особо актуальной представляется разработка механизмов повышения эффективности не только модели развития экономики на перспективу, но и работы дипломатического сектора, в частности, по повышению имиджа и привлекательности государства. Таким образом, в современных реалиях России необходимо уделить особое внимание экономической безопасности, одновременно ориентируясь как на внутренний, так и на внешний блоки угроз с учётом их взаимосвязанности, для обеспечения национальной безопасности и решения проблемы повышения статуса страны в мировом политико-экономическом пространстве.

Бортников В.С.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московской государственной академии имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В АРКТИКЕ В XXI В.

Государственную политику России в Арктике определяют три основополагающих документа: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [16], «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [25], Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [7].

Прописанные в этих документах меры призваны обеспечить безопасность Арктической зоны России (АЗР), стабильное социально-экономическое развитие АЗР и рост влияния России в Арктике.

После внимательного изучения указанных документов можно сделать следующий вывод: содержащиеся в них положения о национальных интересах, приоритетах, целях и задачах российской арктической политики действительно отражают реальную обстановку, которая сложилась вокруг Арктики в последние 20 лет. Эти положения сформулированы с учётом объективной оценки вызовов и угроз со стороны имеющихся и потенциальных противников и конкурентов России в Арктике. Но это не значит, что данные положения не требуют дополнения, уточнения, корректировки.

Учитывая современную международную обстановку в Арктическом регионе [29], тенденции научно-технического прогресса, вызовы и угрозы национальной безопасности России в Арктике и мировому порядку в целом [4], России целесообразно сосредоточиться на новых приоритетах государственной политики в Арктике. Речь идёт об утверждении и реализации в ближайшие десятилетия целого комплекса новых мер, охватывающих все сферы общественной жизни и направленных на развитие АЗР.

В политической сфере важно сделать следующее:

1) создать Северный (Арктический) федеральный округ и учредить должность Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северном (Арктическом) федеральном округе. Эта мера позволит повысить эффективность управления северными территориями России.

В военной сфере необходимо провести следующие мероприятия:

1) создать военные базы и разместить воинские формирования на островах и архипелагах Арктической зоны России;

2) разместить на российском арктическом побережье систему воздушно-космической обороны;

3) модернизировать российскую арктическую военную технику;

4) построить арктический авианосец для защиты севера России.

В социальной сфере важно принять следующие меры:

1) построить новые жилые комплексы и провести модернизацию жилищно-коммунальной инфраструктуры;

2) обеспечить население АЗР качественными продуктами питания и чистой питьевой водой;

3) построить в АЗР новые образовательные и медицинские организации, спортивные комплексы и культурно-досуговые центры, обеспечить их современным оборудованием.

В экономической сфере важно предпринимать следующие меры:

1) разрабатывать и реализовывать в регионах АЗР специальные инвестиционные проекты, направленные на решение проблем Арктики, и программы поддержки традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера;

2) содействовать вывозу продукции, выпущенной в АЗР, в крупные российские города и зарубежные страны.

В агропромышленной сфере следует проводить следующие мероприятия:

1) строить тепличные комплексы для выращивания овощей;

2) создавать оленеводческие хозяйства;

3) создавать рыбные хозяйства и строить заводы по переработке водных биоресурсов, развивать морские биотехнологии.

В энергетической сфере необходимо следующее:

- 1) использовать альтернативные источники энергии;
- 2) создавать атомные теплоэлектростанции, в том числе плавучие;
- 3) осуществлять поиск и разработку новых месторождений углеводородов, дефицитных видов минерального сырья.

В транспортной сфере следует:

- 1) модернизировать Северный морской путь, а также прилегающие к нему речные и железнодорожные коммуникации;
- 2) строить новые порты и развивать береговую инфраструктуру;
- 3) обновить ледокольный флот;
- 4) создавать в АЗР комплексные аварийно-спасательные центры;
- 5) разрабатывать новые транспортные средства;
- 6) создавать в АЗР транспортно-логистические центры.

В сфере наукоёмких и информационно-телекоммуникационных технологий важно сделать следующее:

- 1) разработать новые высокопрочные материалы, способные выдерживать сверхнизкие и сверхвысокие температуры;
- 2) разработать новые медицинские препараты, способные повышать выносливость человека в условиях крайнего Севера;
- 3) создать глубоководные робототехнические системы и оборудовать ими арктический научно-исследовательский флот России;
- 4) создать электронные системы, позволяющие изучать, прогнозировать и предупреждать опасные природные явления в АЗР.

В экологической сфере необходимо следующее:

- 1) внедрять в производство энергосберегающие и экологически чистые материалы и технологии;
- 2) создавать в АЗР особо охраняемые природные территории;
- 3) строить заводы по переработке отходов производства.

В социокультурной сфере требуется проводить следующие мероприятия:

- 1) организовывать и проводить мероприятия этнокультурной направленности (фестивали, круглые столы, выставки);
- 2) содействовать проведению Дней культуры северных регионов России в Москве и Дней Москвы в северных российских регионах;
- 3) проводить научные конференции, посвящённые проблеме сохранения самобытной культуры коренных народов Севера.

В сфере международного сотрудничества важно провести следующие мероприятия:

- 1) организовать научные экспедиции с целью изучения дна Северного Ледовитого океана и его последующего территориального разграничения между приарктическими государствами;

- 2) разработать проект международного договора о сотрудничестве в области освоения и развития Арктики;
- 3) разработать в регионах АЗР туристические маршруты международного уровня;
- 4) провести международные конгрессы и форумы, посвящённые актуальным проблемам Арктического региона.

Благодаря реализации указанных выше мероприятий влияние России в Арктике существенно возрастёт. Безопасность АЗР станет абсолютной и непоколебимой. Качество жизни населения Российской Арктики станет высоким. Одним словом, АЗР превратится в регион, благоприятный для жизни, привлекательный для отдыха и выгодный для реализации передовых инвестиционных проектов.

Юань Сюнь,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

УГРОЖАЕТ ЛИ КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ?

Под демографической безопасностью понимается прежде всего защищённость от угроз, связанных с увеличением смертности населения страны, с низкими темпами рождаемости, снижением или сохранением невысокой продолжительности жизни [26]. Важно отметить и существенную роль, которую играют в обеспечении демографической безопасности такие факторы, как сохранение (или достижение) оптимальной этнической и региональной структуры населения, контроль существующих в данном отношении тенденций и недопущение резких диспропорций, способных привести к негативным последствиям в социальном и политическом планах.

Характеризуя демографическую ситуацию в России, премьер-министр страны Д.А. Медведев подчеркнул, что в ней существуют «два тренда: один, который нас всех вдохновляет, и второй, который должен настораживать» [17]. В этом контексте понятна та дискуссия, которая существует в российских СМИ, экспертном сообществе и академических кругах по поводу китайской миграции. Серьёзные успехи в реализации Концепции демографической политики, а также укрепление отношений стратегического партнёрства между РФ и КНР способствовали снижению алармистских настроений, касающихся

ся данного вопроса. Вместе с тем «негативный тренд» в области демографии продолжает питать мифы о «жёлтой угрозе» российской безопасности.

Утверждающие её существование авторы ссылаются прежде всего, на исключительно высокий демографический и миграционный потенциал Китая и рост численности китайских мигрантов в России. Так, например, известный российский востоковед-синолог В.Г. Гельбрас писал о пребывании в России в 2001 г. около 6 миллионов китайцев и связанном с этим обстоятельством процессе «демографической экспансии Китая» [5, с. 86]. По прогнозам Е.Г. Верлина, к середине XXI в. число китайцев в России достигнет 8–10 млн. человек, и они станут второй по численности этнической группой в стране после русских [2].

На самом деле численность китайцев в России, согласно официальной статистике, составила в 2016 г. примерно 218000 человек, или 2,2% от всех иностранных лиц. В последние годы прирост китайских мигрантов не увеличивался и был стабильным, более того, их численность заметно снизилась. При этом большинство китайских мигрантов в России относятся к категории «челночной миграции» и не имеют намерений постоянно проживать в России [11]. Согласно опросам, доля мигрантов из Китая на Дальний Восток России, желающих получить гражданство РФ, составляет ниже 8%. Количество тех из них, кто получил гражданство или право на постоянное местожительство, ещё менее значительно: даже в «золотое время» иммиграции из Китая в Россию (1991–1996 гг.) китайские мигранты, получившие постоянное местожительство в областях Дальнего Востока, составили лишь 306 человек, а численность получивших гражданство китайцев была и того меньше [30, с. 133].

Ещё один аргумент, который приводят российские эксперты, утверждающие существование угрозы национальной безопасности в связи с китайской миграцией, касается неравномерного размещения китайских мигрантов по территории России. Действительно, согласно исследованию С.И. Рязанова [22, с. 60], доля китайских мигрантов, находящихся в регионах, таких как Москва, Дальний Восток, Сибирь, составляет около 90% от всей их численности в России. Если рассчитать соотношение численности китайцев к постоянному населению в расчёте на 100 тыс. человек постоянного населения соответствующего региона, то максимальное значение будет иметь коэффициент в двух субъектах федерации – Хабаровском и Приморском краях. В то же время, стоит иметь в виду тот факт, что ещё в 2005 г. после многолетних переговорных процессов наши страны завершили урегулирование пограничных проблем. Развивающееся стратегическое партнёрство России и Китая, в том числе и в вопросах пограничного контроля, гарантирует невозможность сколько-нибудь значительного потока нелегальной миграции китайцев в Россию, угрожающего её национальной безопасности в целом и демографической безопасности в частности.

Болохов И.И.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

РОЛЬ КИТАЯ И ЕВРОПЫ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ АФРИКИ

С активизацией Китая на африканском континенте Африка стала площадкой борьбы Европы – традиционного игрока в Африке – и Китая, который уверенно теснит европейские страны и уже стал главным торговым партнёром континента.

Интересы Китая и ЕС в отношении Африки схожи – это получение доступа к природным ресурсам, которыми так богаты страны континента, а также завоевание максимальной доли на африканском рынке, который уже достигает около 1,2 млрд. человек, для сбыта товаров.

При этом и Китай, и Евросоюз сталкиваются с общей проблемой: Африка является далеко не самым безопасным местом для ведения экономической деятельности. На континенте практически непрерывно происходят множество локальных военных конфликтов. Так, за последние 40 лет в более чем 50 военных конфликтах в Африке погибли свыше 5 млн человек, 24 млн лишены крова, насчитывается 18 млн беженцев. Наиболее известные из таких конфликтов сегодня имеют место в Судане, Сомали, Мали, Демократической Республике Конго. Кроме того, остаётся нестабильной ситуация в Ливии и во всём регионе Северной Африки, который был затронут событиями «арабской весны».

Кроме того, Африка характеризуется политической нестабильностью, и многие государства постоянно живут под угрозой очередного военного переворота. Правительства зачастую являются слабыми и не могут в должной мере обеспечить безопасность. Из-за этого в Африке действуют множество криминальных формирований, а также террористических группировок (например, Боко Харам в Нигерии). Орудуют у африканских берегов даже пираты – наиболее известны из них сомалийские, регулярно захватывающие иностранные торговые и рыболовецкие суда с целью получения выкупа.

Соответственно, такие крупные игроки, как ЕС и Китай, имеющие в Африке значительные материальные активы и немалое число работающих на континенте граждан, в той или иной степени вовлечены в решение вопросов безопасности в Африке, хотя бы в рамках защиты собственных экономических интересов.

При этом методы Китая и западных стран существенно различаются. Так, Китай до сих пор старается придерживаться одного из основных прин-

ципов своей внешней политики – невмешательства во внутренние дела иностранных государств. С учётом также нежелания правительства страны втягиваться в чужие конфликты КНР предпочитает по минимуму задействовать свои вооружённые силы для проведения операций в Африке.

Вместо этого Китай активно финансирует миротворческие операции Африканского союза, а также посылает инструкторов для подготовки африканских военных. КНР предпочитает, чтобы африканцы сами поддерживали порядок и безопасность на континенте. Это, во-первых, это позволяет воздерживаться от применения китайских вооружённых сил, а во-вторых, должно уменьшать количество западных «гуманитарных интервенций».

При этом полностью воздержаться от участия своих вооружённых сил в миротворческих миссиях Китаю не удаётся. Сегодня китайские солдаты преимущественно в качестве миротворцев ООН несут службу в Мали, Судане, ДРК и Либерии. При необходимости армия КНР проводит и самостоятельные военные операции. В частности, китайские военные корабли достаточно долго сопровождали рыболовецкие и торговые суда для защиты от нападения пиратов у берегов Сомали. В особенности это стало актуальным для Китая после событий «арабской весны», продемонстрировавшей существенные риски для китайских интересов в регионе.

У Европы, которую поддерживают и США, иной подход. Одной из главных стратегических целей Евросоюза в отношении Африки является снижение потока мигрантов и беженцев, стремящихся попасть на территории европейских стран. Отчасти поэтому европейские государства активно вмешиваются в африканские конфликты: одной из основных задач являются стабилизация обстановки в конфликтной зоне и, как следствие, отсутствие беженцев. Так, только Франция с момента деколонизации провела более 40 военных операций в Африке, последняя из которых в Мали длится до сих пор.

При этом зачастую в принятии решений о применении вооружённых сил во главу угла ставятся вопросы демократизации и соблюдения прав человека. Следствием является то, что в гражданских конфликтах в Африке Европа нередко поддерживает одну из сторон. Однако результаты этого бывают противоположными декларируемыми целям. Так, из-за активной поддержки протестующих сил, а затем и прямых бомбардировок Ливии, в регионе сложилась ситуация нестабильности, которая привела к большому числу жертв и усилению позиций Исламского государства*. Официальным предлогом для таких действий стала необходимость поддержки «воли народов» Ближнего Востока и Северной Африки. Скрытым мотивом, однако,

* Организация запрещена в Российской Федерации.

могло стать, в частности, желание повлиять на поставки нефти в Китай, вытеснить китайские компании из затронутых государств и обеспечить приход к власти дружественных Западу правительств.

В качестве примера можно привести Президента Кот-д'Ивуара Л. Гбабо, который во время гражданской войны в стране публично обвинил США и Францию в организации заговора с целью его свержения. Ещё одним примером служит Джибути, в которой вскоре после объявления о скором появлении в стране военно-морской базы КНР вдруг начались общественные волнения и столкновения между противниками и сторонниками Президента Джибути Исмаила Омара Гюллеха. Как ни странно, западные страны фактически сразу призвали власти страны «уважать свободу граждан на мирные собрания и свободу слова».

Подобные действия зачастую не только ограничивают укрепление безопасности в Африке, но и оказывают негативное влияние на глобальную безопасность: террористические группировки не ограничены национальными границами стран и готовят теракты по всему миру, а потоки беженцев в Европу влияют на структуру европейского общества. Активное вмешательство в африканские конфликты в результате играет деструктивную роль в вопросе стабилизации ситуации на континенте. С другой стороны, китайский подход представляется более эффективным: укрепление непосредственно африканских полицейских, военных и миротворческих структур с минимальным собственным участием способствует повышению возможностей и ответственности стран Африки в решении вопросов безопасности у себя дома.

Дай Вэйцзин,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Реализация региональных интеграционных процессов, таких как ЕАЭС и «Пояс и Путь» (Экономический Пояс Шёлкового Пути и Морской Шёлковый Путь XXI века), нуждается в безопасности. Этого требует сама логика их развития. Безопасность служит важным фактором региональной экономической интеграции, играет серьёзную роль в начале, в ходе и в

долгосрочном развитии интеграции. Она является одним из неотъемлемых элементов сближения государств-участников и их народов, формирования в долгосрочной перспективе их «общей судьбы».

Основными проектами евразийской интеграции являются ЕАЭС и «Пояс и Путь». ЕАЭС имеет чёткую географическую ориентацию – это страны постсоветского пространства, пять из которых уже стали его членами. В плане безопасности преимущество ЕАЭС состоит в том, что в СНГ действует военно-политический блок ОДКБ, одна из составляющих которого – Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона. Несмотря на разные задачи, территориально ЕАЭС и ОДКБ охватывают почти одни и те же страны. Таджикистан – единственный член ОДКБ, не входящий в ЕАЭС – ранее был членом ЕврАзЭС и проявляет интерес к присоединению к Союзу. В 2017 г. удалось совместить саммиты ЕАЭС и ОДКБ. Две организации имеют ряд точек сопряжения, включая борьбу с незаконной миграцией. В экономическом плане это расширяет возможности защиты общего рынка труда, а в плане безопасности позволяет снизить террористическую угрозу. И хотя пока ещё рано делать выводы о будущих отношениях двух организаций, в перспективе не исключена возможность их слияния, в результате чего ОДКБ станет одной из опор интеграции.

Инициативу «Пояс и Путь» можно рассматривать как сеть сухопутных и морских маршрутов, которые будут проходить через страны Азии, Европы и Африки. Хотя между Китаем и заинтересованными государствами не существует военных конфликтов, некоторые страны вдоль «Пояса и Пути» находятся в состоянии войны, другие сталкиваются с угрозой экстремизма, терроризма и религиозного фундаментализма (например, в состоянии войны находятся Афганистан, Сирия и Украина, а в странах Центральной Азии, Иране, Ираке угроза терроризма является реальной проблемой). В выступлениях китайских руководящих лиц, как и в официальных документах указанных проектов, пока не прописаны меры, касающиеся обеспечения их безопасности. Из существующих механизмов, с которыми намерены сотрудничать «Пояс и Путь», потенциал для обеспечения стабильности и безопасности в регионе имеют только Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и ШОС. Страны ШОС уже объявили о своей поддержке инициативы как инструмента регионального экономического сотрудничества, но вопрос, каким образом ШОС будет участвовать в ней, остаётся открытым. С точки зрения безопасности ШОС охватывает только Китай и несколько сопредельных ему стран, поэтому, учитывая географический масштаб «Пояса и Пути», ШОС не в состоянии обеспечить

гарантии безопасности для всех стран-участниц этого проекта. В этих условиях Китай, взявший на себя экономическую ответственность за строительство инфраструктуры, инвестиционное, торговое сотрудничество и т. д., рассчитывает на то, что успехи в этих сферах могут содействовать соразвитию всех заинтересованных стран, созданию между ними климата доверия, вследствие чего сам процесс развития «Пояса и Пути» станет эффективным ответом на угрозы безопасности – экстремизм, терроризм и религиозный фундаментализм.

В ходе многолетнего сотрудничества Россия и Китай накопили богатый опыт в сфере безопасности и продолжают поддерживать друг друга во всех важных вопросах. Между ОДКБ и ШОС заключена договорённость о сотрудничестве, их точки соприкосновения включают противодействие терроризму, борьбу с незаконным оборотом наркотиков, пресечение незаконного оборота оружия и организованной транснациональной преступности. По вопросу Афганистана, который расположен на перекрестке Южной, Центральной и Западной Азии, Китай поддерживает инициативы России, включая Контактную группу «ШОС-Афганистан», и придаёт ей большое значение в повестке дня ШОС.

Благодаря высокому уровню доверия между двумя государствами и накопленному опыту регионального сотрудничества роли России и Китая в сфере безопасности в евразийском регионе будут, несомненно, возрастать. РФ и КНР уже согласились на сопряжение строительства ЕАЭС и ЭПШП и выступают за создание евразийского всеобъемлющего партнёрства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учёта взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран-членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Россия может усилить свою роль гаранта безопасности в евразийской интеграции, а Китай – принять дополнительные меры в сфере безопасности для реализации экономических проектов.

Таким образом, углубление регионального экономического сотрудничества требует создания надёжных механизмов безопасности, которые, в свою очередь, выступают его важными звеньями. Иначе говоря, оба этих аспекта интеграционных процессов взаимосвязаны и дополняют друг друга. Механизмы евразийской безопасности, такие как ОДКБ и ШОС, представляют собой неотъемлемую составную часть евразийских интеграционных процессов. Учитывая непростую ситуацию в современном мире, их роль в защите свобод передвижения между странами региона, в гарантии создания безбарьерной среды взаимовыгодных обменов товарами, капиталами, услугами и рабочей силой, будет только возрастать.

Мамедов И.Б.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Проблема обеспечения безопасности Каспийского моря получила новый виток развития с момента развала Советского союза и образования новых независимых государств на прибрежном пространстве региона. Углеводородный потенциал, значимое военно-стратегическое положение, пересечение на его территории торговых путей, транспортных коридоров и трубопроводных систем способствовали трансформации Каспийского региона в объект борьбы за влияние различных политических сил: региональных и нерегиональных государств, транснациональных корпораций, международных правительственных и неправительственных организаций.

Действующая ранее международно-правовая платформа обеспечения региональной безопасности (прежде всего советско-иранские соглашения от 1921, 1935 и 1940 гг.) *de facto* не могла урегулировать возникшие противоречия. Межгосударственный диалог также не приводил к конкретным результатам в определении политико-правового статуса Каспийского моря, при разделе шельфа, формировании механизма предотвращения милитаризации региона, обеспечении экономической и энергетической безопасности Прикаспийских государств.

С 1990-х гг. Прикаспийские страны активно увеличивают военно-морской и воздушный флот в Каспийском море. Ключевой вопрос заключается в том, воспринимать ли наращивание военного потенциала на прибрежными государствами Каспии как гонку вооружений, демонстрацию военной силы или укрепление позиций против внешних нерегиональных угроз? Следует отметить, что дестабилизация ситуации в Каспийском регионе может повлиять на безопасность не только прибрежных республик, но и приграничных государств (Турции, Армении, Грузии), стран Большого Ближнего Востока и Южной Азии (прежде всего Индии и Пакистана), ведущих мировых акторов – США, Китая и ЕС. Значение милитаризации Каспийского моря для глобальной безопасности определяется тем, что регион представляет собой пространство пересечения интересов России, стран Запада, Китая и государств исламского мира, а также международных объединений и организаций (НАТО, ЕАЭС, ШОС).

Любой конфликт (этнический, межгосударственный, конфессиональный и т. п.) на территории Каспийского моря может перерасти из регио-

нального в глобальный, стать импульсом для эскалации международной напряжённости. Поэтому проблемы безопасности Каспийского региона, равно как и энергетического сотрудничества на его территории, были включены в стратегические документы США (например, доклад «Стратегия национальной безопасности в новом веке») и специальные программы ЕС (ТАСИС и ТРАСЕКА). Военно-политический блок НАТО открыл представительства в Азербайджане и Казахстане на базе посольств и консульств иностранных государств, подготовил специальные операции по противодействию дестабилизации ситуации в регионе.

Конфликтогенный потенциал региона обусловлен отсутствием консенсуса в вопросе делимитации границ национальных секторов Каспийского моря, спорами Азербайджана и Туркменистана относительно некоторых месторождений, угрозами терроризма, экстремизма, сепаратизма, трансграничной преступности, вовлечением России и Азербайджана в урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, а также интересами глобальных акторов и НАТО в регионе. Согласно трактовке политического реализма, безопасность Каспийского региона понимается как отсутствие угроз военного конфликта на его территории. Целесообразно рассмотреть процессы и тенденции межгосударственного взаимодействия, способствующие повышению или снижению уровня милитаризации.

Стремясь закрепить государственный суверенитет и упрочить собственные властные позиции, политические элиты Азербайджана, Казахстана и в определённой степени Туркменистана стали привлекать в национальные экономики иностранные инвестиции для развития топливно-энергетического сектора. Данный процесс способствовал построению разнонаправленных векторов внешнеполитического развития прибрежных республик. Азербайджан устремился к сотрудничеству с США и Европой. В свою очередь, Казахстан, провозгласив мультивекторную государственную политику, стал партнёром не только для Запада, но и для Китая (аналогично Туркменистану). При этом сотрудничество с Россией в названных странах всегда позиционировалось как одно из приоритетных направлений внешнеэкономического развития. Тем не менее активная деятельность нерегиональных акторов не могла не повлиять на российскую нефтегазовую отрасль в регионе. Трубопроводные проекты строили в обход России, что грозило снижением пропускной эффективности уже действующих. Российские компании проигрывали в некоторых контрактных зонах иностранным корпорациям.

Энергетический сектор не может быть лишь частью государственной экономики. Любое внешнеэкономическое сотрудничество требует политических решений и предполагает риски и угрозы, выходящие за рамки эко-

номических. В случае с Каспийским регионом энергетическая политика определяет характер дальнейших политических отношений, воздействует на распределение зон влияния. Необходимо отметить, что военная мощь и ресурсная обеспеченность находятся в прямой взаимной зависимости. Энергетические накопления могут быть реинвестированы в оборонный сектор, а, в свою очередь, высокий потенциал вооружённых сил делает государство более конкурентоспособным на рынке энергоресурсов [15]. Более того, любое государство стремится обеспечить контроль над эксплуатацией природных ресурсов, что часто ведёт к наращиванию военного присутствия в регионе. Всё же не следует рассматривать сотрудничество Прикаспийских государств как однозначно позитивный или негативный фактор региональной безопасности. На современном этапе формат такого взаимодействия приводит к благоприятным результатам. Здесь важно отметить достигнутое соглашение о запрете нахождения в регионе иностранных военных судов.

Однако основным сдерживающим фактором в вопросе обеспечения региональной безопасности стоит назвать культурно-цивилизационную близость и общий взгляд на глобальные процессы. В Прикаспийских республиках глобальные мирополитические тенденции, проходящие под знаменами и в интересах тех или иных политических сил, не принимаются как императив глобализации. Более того, региональная безопасность ассоциируется с невмешательством третьих стран. Для сравнения, основными угрозами безопасности в регионе США называют ядерную программу Ирана, терроризм и милитаризацию со стороны России.

Дорохина К.М.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ФАКТОРЫ «ЖЁСТКОЙ» И «МЯГКОЙ» БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШОС И ОБСЕ

В условиях новых тенденций, появившихся в международных отношениях в конце XX столетия, начинают возникать новые подходы к пониманию международной безопасности. Так, помимо традиционной «жёсткой» безопасности, лежащей в основе теории политического реализма, неразрывно связанной с категориями национальных интересов государства, защиты его целостности и суверенитета, появляется либеральная трактовка

так называемой «мягкой» безопасности, которая в самом общем смысле означает невоенные аспекты обеспечения безопасности (ориентируясь при этом не на безопасность государства, а на безопасность индивида и социума). В отличие от представителей реалистического подхода, определяющих международную безопасность, в первую очередь исходя из категории государственного суверенитета, сторонники «мягкой» безопасности полагают, что именно государственный суверенитет и является источником опасности, так как именно борьба за него была причиной большинства войн и конфликтов [14, с. 67].

Данные механизмы находят воплощение как в национальных концепциях безопасности, так и в деятельности международных организаций. Безусловно, представляется сложным провести дихотомию в использовании инструментов «мягкой» и «жесткой» безопасности международными организациями, однако можно выделить межгосударственные сообщества, предпочитающие преимущественно рычаги той или другой.

Так, Шанхайская организация сотрудничества основывается в большей степени на принципах традиционной безопасности, апеллируя к защите азиатского региона от террористических угроз, экстремизма и сепаратизма. В учредительных документах ШОС подчёркивается, что в основе взаимодействия государств-участников лежат принципы уважения независимости, государственного суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и отказа от одностороннего военного превосходства [9]. В Конвенции ШОС раскрываются понятия экстремизма, терроризма и сепаратизма и делается акцент на условиях сотрудничества в борьбе с ними. Такое сотрудничество строится в первую очередь на обмене информацией и оказании технической и материальной помощи, а также на совместном проведении оперативно-розыскных мероприятий [31].

В свою очередь, программные документы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе также акцентируют внимание на взаимном уважении государств-участников и взаимодействии их друг с другом в решении возникающих проблем «в соответствии с международным правом, мирным путём и по договорённости» [27]. Особое внимание в Заключительном Хельсинском соглашении также уделяется праву народов распоряжаться своей судьбой, включая возможность изменения их политического или социального статуса. В то же время в Парижской хартии для новой Европы [18] основной акцент делается на правах человека, расширении демократии, а также на принципах экономической свободы, т. е. понятиях, которые традиционно лежат в основе либерального дискурса и входят в категорию «мягкой» безопасности.

Безусловно, и ШОС, и ОБСЕ расширяют проблемное поле безопасности в своей деятельности, оперативно реагируя на новые угрозы. Вместе с тем налицо и явное отсутствие единого подхода к этой важнейшей проблеме международных отношений, что служит основой для возникновения непонимания и даже противоречий между ключевыми игроками мировой политики, замедляя процессы разрешения возникающих конфликтов и даже мешая их разрешению. На наш взгляд, на данный момент наблюдается острая необходимость в пересмотре подходов к этой проблеме и восздании единого концепта, основанного на разумном использовании элементов как «жесткой», так и «мягкой» безопасности, т. е. «умной» безопасности («smart security»).

Паршина Т. Н.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ШОС В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИИ

По итогам саммита в Астане, который состоялся в июне 2017 г., Шанхайская организация сотрудничества (известная под аббревиатурой ШОС) приняла в свой состав Индию и Пакистан. И хотя изначально ШОС была известна как евразийское региональное объединение в области безопасности, с усилением экономической активности (контакты с Евразийским экономическим союзом, поддержка китайской инициативы «Один пояс – один путь» и пр.) и недавним расширением организации её роль и влияние на глобальной арене должны значительно возрасти. Увеличится значение ШОС и для Индии, которая сейчас рассматривает её в контексте региона Большой Южной Азии (к нему относят страны Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии, а также Иран, Афганистан, РФ и КНР), обеспечение безопасности и стабильности которого соответствует национальным интересам Дели.

Главным направлением взаимодействия Индии и ШОС является борьба с терроризмом, распространением наркотиков и экстремизмом, от которых страдают все страны-участницы данной организации. Более широкое региональное взаимодействие в этой сфере становится особенно важным для Индии в контексте ухода США из Афганистана и опасности проникновения в регион Исламского государства*, что предполагает обмен опытом в сфере антитеррористической борьбы (который у Индии достаточно

* Организация запрещена в Российской Федерации.

большой), сбор разведанных, проведение совместных учений и пр. Более того, и это также называют сферой возможного взаимодействия Индии и Пакистана, перспективным является сотрудничество в информационной безопасности, развитие которого хотя и находится на начальном этапе, но имеет большой потенциал. Тем не менее обеспечение безопасности страны является не единственным стимулом её вступления в данную организацию. Присоединение Республики Индии к ШОС также связано с её геополитической, экономической безопасностью и устремлениями в регионе, особенно в его центральноазиатской части.

Об усилении для Индии геополитической значимости ШОС в целом и Центральной Азии в частности говорит тот факт, что новый лидер Индии Нарендра Моди за короткий срок успел побывать с визитом практически во всех странах ШОС, став также первым премьер-министром, посетившим все центральноазиатские страны. В свою очередь, менее крупные государства ШОС сами ищут противовес доминирующему положению в ней России и Китая и также заинтересованы в развитии сотрудничества с южноазиатским гигантом, что также является выгодным для Индии. К тому же, участие в работе организации даст ей возможность своевременного реагирования на действия своих реальных (Пакистан) и потенциальных (КНР) соперников, что, несомненно, является важным с точки зрения поддержки её геополитического статуса и стабильного положения в регионе. При этом стоит отметить, что политической безопасности Дели в ШОС могут помочь исторические и культурные связи со странами региона, поскольку дружеские взаимодействия между ними существуют давно, а индийские музыка и фильмы остаются популярными в странах Центральной Азии, особенно в Казахстане и Узбекистане [35].

Наконец, поскольку в Уставе ШОС сказано, что входящие в неё страны-члены не могут применять силу друг против друга и должны работать над укреплением мира, безопасности и стабильности в регионе, вступление Индии в ШОС может помочь ей если не решить, то хотя бы сгладить конфликтные вопросы во взаимодействии с Пакистаном и КНР (особенно это касается приграничных споров). Перспектива использования ШОС в качестве дополнительной платформы для переговоров (особенно в условиях стагнации существующей региональной организации в Южной Азии, СААРК), как и возможность укрепления связей с Центральной Азией, имеет огромную значимость для создания доверительной атмосферы и обеспечения политической безопасности страны как в непосредственном, так и в более широком региональном окружении.

Наконец, вступление Индии в ШОС направлено и на укрепление экономической безопасности страны, так как экономическое сотрудничество

является важным фактором обеспечения национальной и региональной безопасности. Известно, что и Индия, и Пакистан остро нуждаются в источниках углеводородов, которыми богата Центральная Азия. Именно поэтому они с помощью ШОС хотят усилить свои транспортные и инфраструктурные связи с регионом, чтобы иметь бесперебойный доступ к энергоносителям. При этом Индия вкладывает средства в иранский порт Чабахар, который должен стать началом торгово-транспортного коридора в Центральную Азию в обход Пакистана (через Афганистан), а последний возлагает надежды на экономический коридор между ним и Китаем, который берёт начало в пакистанском порту Гвадар. Тем не менее, хотя в настоящий момент Индия и Пакистан в вопросе сотрудничества с ШОС действуют параллельно, стремясь укрепить в первую очередь национальную безопасность, есть надежды на то, что вступление в ШОС поможет им вспомнить и о совместных региональных экономических проектах (например, трубопроводы ИПИ (Иран – Пакистан – Индия) и ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия)). Это поможет создать необходимую базу для укрепления двусторонних и многосторонних экономических контактов, поддерживая мир и стабильность в регионе (возрастает и потенциал сотрудничества в области атомной энергетики, т. к. отдельные страны ШОС обладают большими запасами урана, а другие, в том числе и Индия, нуждаются в нём для развития атомной промышленности). К тому же вступление Индии и Пакистана в ШОС будет способствовать и усилению веса организации в глобальной экономике, особенно с учётом огромного внутреннего рынка и впечатляющих темпов экономического роста Индийской республики (около 7,5% в 2015–2016 гг.) [39].

Таким образом, расширение Шанхайской организации сотрудничества и вступление в неё Индии и Пакистана открывает перед ШОС новые перспективы в обеспечении не только военной, но и политической и экономической безопасности для входящих в неё стран-членов. Более того, хотя данная организация и не является военным блоком, многие эксперты уже называют её в качестве возможного противовеса НАТО, что говорит об усилении её не только регионального, но и глобального влияния. Тем не менее ШОС не стремится стать соперником Североатлантического альянса и ставит перед собой совсем другие цели. В перспективе она может стать подлинным гарантом безопасности в регионе Большой Южной Азии, что соответствует интересам недавно присоединившейся к ней Индийской республики.

Тюренкова Е.Н.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ИНДИИ

Активное влияние этнических групп на политический процесс дало основание для введения новых терминов, таких как «этнополитический процесс» и «этнополитическая безопасность». Под первым понимается процесс взаимодействия этнических групп и государства. Дать определение второму термину сложнее. Это объясняется тем, что, несмотря на существование значительного числа исследований, посвящённых роли этносов в политике, определённой концепции по вопросу этнополитической безопасности пока не сложилось.

Зарубежные исследователи предлагают рассматривать этнополитическую безопасность как разновидность национальной безопасности наряду с энергетической, информационной, экономической, военной, экологической и др. И если под национальной безопасностью понимают многоуровневую систему, в которой постоянно происходят процессы взаимодействия и борьбы национальных интересов государства, общества и личности с внутренними и внешними угрозами, то в контексте этнополитической безопасности к этой триаде (государство, общество, личность) необходимо добавить этнические группы в качестве отдельных полноценных акторов политического процесса [3, с. 8].

Каждое государство стремится выработать определённые меры и способы управления для нормализации межэтнического взаимодействия. Особенно данный вопрос актуален для полиэтнических стран, к которым относят и Индию. Её населяют несколько сотен разнообразных этнических групп, крупнейшие из которых – хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгалцы, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы и др.

Многообразие этнических групп, их отличие друг от друга, сложная история взаимного сосуществования в пределах единой страны приводят к конфликтам. Существуют зоны длительного беспорядка в Джамму и Кашмире, в северо-восточной части страны (штаты Аруначал-Прадеш, Ассам, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Трипура), в Пенджабе, в «красном поясе» индийских штатов (Бихар, Чхаттисгарх, Джаркханд, Андхра-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Орисса, Уттар-Прадеш и Западная Бенгалия) из-за деятельности наксалитов. Всё это в совокупности негативно сказывается на национальной безопасности.

Поэтому основными задачами этнополитической безопасности Индии являются противодействие сепаратизму, экстремизму и терроризму, уменьшение числа этнополитических конфликтов и нормализация межэтнического взаимодействия [38].

Отличительной чертой решения этнополитических проблем в Индии является широкое использование радикальных военных действий со стороны государства. Самый известный пример относится к 1984 г., когда во время сикхского конфликта в ходе операции «Голубая Звезда» лидеры сикхов были убиты силами государственных вооружённых сил. В ответ на эти действия сикхами-телохранителями была убита Индира Ганди, премьер-министр Индии, за чем последовали антисикхские выступления и погромы.

В рамках обеспечения этнополитической безопасности в Индии ведётся перечень радикальных террористических организаций. Это позволяет сильно осложнить деятельность организаций, попавших в данный перечень, потому что они лишаются права владеть официальной штаб-квартирой, свободно получать, переводить, расходовать имеющиеся денежные средства, за ними ведётся пристальный надзор правоохранительных органов.

Проблема финансирования террористических организаций индийскому правительству представляется очень важной. Поэтому уже более 15 лет функционирует Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма и отмыванию денег (ИМСС). Основной её целью является содействие повышению эффективности деятельности надзорных и регулирующих государственных органов.

Стоит отметить, что применяемые меры по установлению этнополитической безопасности пока не приносят нужного эффекта. В современной Индии совершаются теракты, усиливаются этнополитические и этнорелигиозные конфликты. Всё это негативно сказывается на внутренней стабильности Индии, препятствует её экономическому росту, ставит преграды на пути превращения её в региональную державу, привносит раскол в отношения с соседями (этнополитические противостояния затрагивают и соседние страны – Пакистан, Бангладеш, Мьянму, Китай, Бутан). Важным путём утверждения этнополитической безопасности является поиск новых мер, способных решить данные проблемы. Перспективным может стать сотрудничество в сфере этнополитической безопасности с другими странами, столкнувшимися с похожими проблемами.

Дашкина И.В.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В КАРИБСКОМ БАССЕЙНЕ

Региональная безопасность связана с международной безопасностью, она является её частью, характеризует состояние международных отношений в конкретном регионе мирового сообщества.

В отечественной политологии с учётом анализа официальных документов ГА ООН выделяют следующие факторы, способные повлиять на региональную и глобальную безопасность: наличие военных баз иностранного государства на территории страны, деятельность террористических организаций и организованной преступности, влияние ТНК, борьба за ресурсы, неравномерность развития стран, экономическую зависимость и др.

В 1823 г. правительством США была провозглашена доктрина Монро, формулой которой была «Америка для американцев». Она была направлена против вмешательства европейских держав в дела американского континента и стала в дальнейшем толковаться как «Америка для США». В эпоху империализма США много говорили об «общности интересов» американских государств и тем самым пытались оправдать многочисленные интервенции на Кубе, в Мексике, Гаити, Никарагуа, Колумбии, Панаме, Доминиканской Республике и в других латиноамериканских странах. Экспансия Соединённых Штатов в Латинской Америке под прикрытием панамериканизма усилилась в период Второй мировой войны. Своё влияние в регионе США поддерживали за счёт контроля над финансовой системой и политическими элитами латиноамериканских государств, о чём свидетельствовали различные экономические эмбарго, инициированные США в отношении «несогласных» с их политикой стран. Учитывая слабую экономику некоторых стран Карибского бассейна (Гватемала, Гондураса, Белиза), данные методы воздействия существуют до сих пор. Кроме того, Соединённые Штаты воздействуют на данный регион посредством обширной сети военных баз, которых на этот момент там больше двадцати.

Крупный удар по американскому влиянию нанёс СССР в 50-е гг. XX в. В этот период страны Карибского бассейна с огромным интересом пере-

нимали опыт социалистических идей. В 1960–1970-х гг. произошли революционные изменения на Кубе (1959 г.), в Сальвадоре (1979 г.) и Никарагуа (1979 г.), в странах к власти пришли социалистические правительства.

В 2015 г. на саммите Союза южноамериканских наций его Генсек Эрнесто Сампер призвал южноамериканских участников форума вывести со своих территорий все военные базы США. Этого до сих пор не произошло, что питает недоверие стран региона к Соединённым Штатам. Напряжённость в отношениях между современными правительствами Кубы и США питает и факт удержания Соединёнными Штатами в своём ведении части кубинской территории.

Кроме того, влиять на правительства можно с помощью экономической поддержки и прямыми инвестициями. Так, финансовую поддержку странам рассматриваемого региона оказывают Россия (Кубе, Никарагуа) и Китай (Никарагуа, Венесуэле).

На этом фоне у Российской Федерации сложились хорошие отношения с рядом стран региона, которые она стремится закрепить в плане экономической поддержки, прямых инвестиций, а также военного сотрудничества.

Так, например, в Никарагуа идёт подготовка к строительству Никарагуанского канала, в обеспечении безопасности которого могут участвовать российские корабли, получившие право заходить в воды центральноамериканской республики по упрощённой процедуре. Россия также поставляет армии Никарагуа военную технику, ежегодно в нашей стране проходят военное обучение никарагуанские студенты.

Обострение российско-американских отношений и усиленное развязывание Соединёнными Штатами информационной войны против Российской Федерации вызвали в отечественных властных структурах и политологическом сообществе стремление найти достаточно жесткий и адекватный ответ. В октябре 2016 г. заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам Алексей Чепяк предложил восстановить советские военные базы в Латинской Америке. Со своей стороны министр обороны РФ Сергей Шойгу заявил: «Мы планируем увеличить количество военных баз. Помимо Вьетнама и Кубы, мы планируем расширить их количество за счет таких стран, как Венесуэла, Никарагуа, Сейшельские острова, Сингапур и т. д.» [32].

А по мнению некоторых российских исследователей, «руководству Венесуэлы не мешало бы задуматься о том, что российское присутствие смогло бы оказать на потенциальных организаторов местной “оранжевой революции” умиротворяющее воздействие» [20].

В то же время военное сотрудничество России со странами Латинской Америки имеет свои ограничения и риски, которые связаны с политиче-

ской обстановкой в конкретных странах, со спецификой регионального контекста и динамикой глобальной политики. Соединённые Штаты по-прежнему не намерены мириться с самостоятельностью внешнеполитических решений руководства тех стран, которые они рассматривают как свой «задний двор». Как показывают события последних лет, для противодействия самостоятельности таких стран США готовы использовать весь комплекс имеющихся у них самых разнообразных ресурсов – от мягкой силы до жёсткого экономического давления, усиления работы спецслужб и организации внутривнутриполитических беспорядков. В этом смысле региональная политика Соединённых Штатов проводится ещё более целенаправленно, чем их действия на глобальном уровне, где американская администрация и политический класс в целом меньше задумываются о последствиях своего поведения. Впрочем, нельзя забывать и о тесной взаимосвязи всех уровней международной политики и вытекающих из этого последствиях для безопасности современного мира.

Так, например, в вопросе военного сотрудничества с Венесуэлой, следует учитывать, что законы этой страны запрещают официальному Каракасу размещать на своей территории иностранные военные базы. Очевидно и то, что сегодня на фоне экономического кризиса в Венесуэле резко усилилось влияние проамериканской оппозиции, которая может отреагировать на появление российской военной базы весьма резко. Наконец, такое появление повлечёт за собой новый виток информационной войны против Российской Федерации, ещё больше отдалит возможности найти пути к конструктивному диалогу по вопросам глобальной безопасности.

Груздева П.О.,

*аспирант кафедры сравнительной политологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)*

ПОЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОЛИМПИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ

Олимпийские игры как мероприятие массового международного характера можно смело отнести к категории событий, подверженных всевозможным атакам, рискам и угрозам в сфере международной безопасности. Реализация возможных угроз может привести к масштабным межгосударственным конфликтам, человеческим и экономическим потерям.

При обращении к истории вопроса наиболее очевидным проявлением терроризма в олимпийском движении видятся трагические последствия политического террора во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г. [37]. Согласно большинству определений терроризм является политически мотивированной формой преступного насилия; он включает в себя насилие в отношении государств или обществ путём угроз или актов дестабилизации политической ситуации в стране. Методы, используемые для достижения этой цели, чаще всего направлены на отдельных лиц или группы, представляющие государство. Так, в сфере спорта к ним относятся спортивные делегации и представители национальных сборных команд.

Особое внимание должно быть уделено исследованию новых методов внешнеполитических атак, которые производятся в современном олимпийском движении. На первый взгляд эти атаки могут напоминать исключительно террористические акты, но при дальнейшем изучении выясняется, что это хорошо спланированные действия политической направленности, мотивированные стремлением снизить международный имидж страны, проводящей соревнования.

В настоящее время всё большее внимание на мировой политической арене уделяется созданию позитивного внешнеполитического имиджа государства, что резко обостряет межгосударственную конкуренцию в самых разных сферах. Для того чтобы не допустить выхода на лидирующие позиции государств-конкурентов, конкурирующие игроки используют все возможные средства – от политических провокаций и санкций в различных сферах, куда входят и культура, и экономика, и сфера международного спорта, до военных угроз международной безопасности.

По резолюции «Спорт как средство содействия воспитанию, здоровью, развитию и миру» (A/RES/65/4), принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 23 ноября 2010 г. [41], ООН рассматривает спорт как инструмент укрепления и развития мира, опирается на сложившуюся за долгие годы теорию миротворческой функции спорта высших достижений, Олимпийских игр и олимпийского движения в целом.

Каждое спортивное мероприятие, начиная от локальных соревнований и заканчивая чемпионатами мира или олимпиадой, представляет особый интерес для террористов. Причины очевидны – это всегда крупное скопление гражданского населения, включая женщин и детей. На таких мероприятиях обязательно присутствуют представители других государств, в том числе спортсмены из стран, которые особенно часто подвергаются угрозе со стороны террористов (США, Израиль). Кроме того, нередко их посещают высокопоставленные гости, в том числе и представители государственных органов высокого ранга [40]. Наконец,

спортивные мероприятия широко освещаются прессой, а значит, любой террористический акт станет достоянием общественности и вызовет международный резонанс, чего, как правило, и добиваются террористы. В качестве доказательства этого достаточно вспомнить, что представители Аль-Каиды неоднократно заявляли, что они совершат террористические акты во время Кубка Мира по футболу.

После террористических актов в Париже 13 ноября 2015 г., в результате которых погибли 130 человек, участились обсуждения вопросов безопасности и охраны на крупных спортивных мероприятиях, в том числе на прошедших в 2016 г. Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро и на Парижской процедуре выборов права проведения Олимпийских игр 2024 г.

Однако террористические угрозы не являются единственными в олимпийском движении, поэтому неслучайно 25 апреля 2017 г. МОК провёл совещание новой Комиссии по цифровым технологиям [33]. Потребность в усилении кибербезопасности МОК особенно возросла после того, как получила широкую огласку закрытая информация об использовании допинга российскими спортсменами. МОК заявляет, что новая комиссия будет определять стратегию Комитета в области информационной безопасности, включая кибербезопасность. Предположительно, МОК также вынесет рекомендации в отношении надлежащей стратегии эффективного, безопасного и устойчивого использования информационно-коммуникационных технологий для организации и проведения Олимпийских игр.

В условиях, когда вопросы международной безопасности в сфере олимпийского спорта вновь оказываются на повестке дня, возникает острая необходимость переосмысления всей системы мер, связанных с обеспечением безопасного проведения Олимпийских игр. Такие меры должны ставить человеческие ресурсы, технологическое развитие, финансовую обеспеченность, уровень общей организации и гарантий безопасности на одну ступень с возможностью страны предоставить должное качество и необходимое количество олимпийских стадионов и сооружений. Важно иметь в виду не только то, что Игры нужно провести безопасно, но и то, что безопасность может быть достигнута только при использовании самых передовых технологий, современных и надежных способов.

Цыганков П.А.,

доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Состоявшееся обсуждение даёт основания для нескольких важных как в теоретическом, так и в практическо-политическом отношении выводов.

Первое. Текущая ситуация в мировой политике связана с угрозами и вызовами, касающимися не только «жёсткой» безопасности (экономического, геополитического и военного характера), но и широкой сферы так называемой социетальной безопасности (гуманитарных вопросов, прав человека, социальной защиты, экологии, культуры и спорта). Взаимосвязь между ними наиболее очевидно проявляется именно на региональном и национальном уровнях. В теоретическом плане такая взаимосвязь требует дальнейшего осмысления, возможно, по пути разработки и использования понятия «умной» безопасности.

Второе. Как было показано на примере Каспийского региона, регионализация, являющаяся важнейшей тенденцией мирового развития, не может и не должна восприниматься как исчезновение межгосударственных границ и упадок суверенитета. В частности, традиционные силовые отношения между государствами, связанные с борьбой за ресурсы, продолжают выполнять всё ту же роль, что и прежде.

Третье. Жизненно важные вопросы региональной безопасности сосредоточены на экономике. Именно в экономическом направлении наблюдается стремление государств объединить усилия по их согласованию и урегулированию. При этом эффективность согласования и использования инструментов хозяйственного развития и обеспечения экономической безопасности, диалог и сближение позиций во многом зависят от политики государств, обладающих наибольшим потенциалом обеспечения безопасности во всех её измерениях, включая гуманитарную и военно-политическую составляющие. В данной связи особую важность имеет российско-китайское стратегическое партнёрство.

Наконец, в-четвёртых, состоявшееся обсуждение подтвердило вывод теории и практики международных отношений, согласно которому безопасность неделима: обострение ситуации в одном, например, таком далёком от России регионе, как Латинская Америка, негативно отражается на

глобальной и региональной безопасности во всём остальном мире. С другой стороны, обострившаяся ситуация в области глобальной безопасности, безусловно, требует внимания к приоритетному для российской государственной политики арктическому региону страны. Не менее важно иметь в виду и структурную взаимосвязь различных измерений безопасности: это показывает, в частности, анализ политики безопасности в современном олимпийском движении.

Подчёркивая значимость поднятых в ходе круглого стола вопросов, необходимо отметить и то, что они, разумеется, не исчерпывают всей проблематики глобальной и региональной безопасности, а напротив, нуждаются в дальнейших исследованиях с точки зрения как глубины анализа, так и многообразия различных аспектов данной темы. В качестве примера можно указать на то, что при изучении столь важного региона, каким является, Большая Евразия, не обойтись без обращения к роли и месту в нём таких стран, как Турция, Афганистан и др. В научной литературе только начали подниматься вопросы, связанные с процессами, происходящими в ЕС, и с их анализом в суперрегиональном контексте. С точки зрения структуры безопасности необходимо не упускать из виду проблемы борьбы против терроризма, наркотрафика и распространения ОМУ, а также важности вопросов защиты окружающей среды для глобальной и региональной безопасности и становления нового миропорядка. Иначе говоря, речь идёт об одном из наиболее перспективных направлений международных исследований, имеющем бесспорную теоретическую и практическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Спорт в палитре международных отношений: гуманитарный, дипломатический и культурный аспекты. СПб.: Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 320 с.
2. Верлин Е.Г. Чёрный нал и жёлтая опасность. Если Россия потеряет Дальний Восток, то виноваты будут китайцы // Эксперт. 2002. 18 марта.
3. Воробьёв С.М., Ерохин А.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: источники, движущие силы, тенденции. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2002. 135 с.
4. Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике: научно-аналитический доклад / под науч. ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2017. 53 с.
5. Гельбрас В.Г. Сколько китайцев в России? // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 71–87.

6. Геоэкономика и конкурентоспособность России. Научно концептуальные основы геоэкономической политики России: научно-аналитический доклад / под ред. Э.Г. Кочетова [Электронный ресурс]. URL: <http://alleuropalux.org/fileserv/2010/46/geoeconomy.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
7. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 № 366) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/programs/236/about> (дата обращения 15.05.2017).
8. Дашкина И.В. Интересы Российской Федерации в Центральной Америке: исторические факты и современная стратегическая ориентация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2. С. 194–202.
9. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectesco.org/documents> (дата обращения: 28.04.2017).
10. Информация о социально-экономическом положении России за 2016 год [Электронный ресурс] // РОССТАТ: [сайт] URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/info/oper-12-2016.pdf (дата обращения: 15.04.2017).
11. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/ItoGovyy_doklad_na_19.02.16.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
12. Каримов Д. Обсудят проблемы миграции: В Бишкеке проходят встречи глав государств ЕАЭС и ОДКБ [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2017/04/13/v-kirgizii-sovmestili-sammity-odkb-i-evrazijskogo-soiuza.html> (дата обращения: 14.04.2017).
13. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи: аналитический доклад / под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.
14. Макарычев А. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион // Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийской регионе / под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2004. С. 66–116.
15. Мухаррямов Р.Р. Современные политические процессы Каспийского региона: милитаризация государств как фактор борьбы за энергетические ресурсы // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. С. 79–88.
16. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом Российской Федерации от 18.09.2008 (№ Пр-1969) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения: 15.05.2017).
17. О ходе реализации Концепции демографической политики. 10 июня 2015: Вступительное слово Дмитрия Медведева [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/18449> (дата обращения 15.05.2017).
18. Парижская хартия для новой Европы. 1990 [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.osce.org/mc/39516>. (дата обращения: 28.04.17).

19. Перспективы российской экономики с точки зрения советника Путина // ИноСМИ.ru. URL: <http://inosmi.ru/economic/20160801/237393603.html> (дата обращения: 18.03.2017).

20. Полевой О. Военные базы России за рубежом как ответ США [Электронный ресурс] // POLITRUSSIA: общественно-политический журнал : [сайт]. URL: <http://politrussia.com/vooruzhennyye-sily/set-zarubezhnykh-baz-893/> (дата обращения: 11.10.2016).

21. Политическая наука: словарь-справочник / сост. И.И. Санжаревский. [Электронный ресурс] URL: www.glos.virmk.ru (дата обращения: 14.03.2017).

22. Рязанов С.И. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. М: Экономическое образование, 2010. 148 с.

23. Старых Г. Африканское поле боя Франции [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение: [сайт]. URL: http://nvo.ng.ru/history/2014-06-20/13_africa_france.html (дата обращения: 15.04.2017).

24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 18.04.2017).

25. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом Российской Федерации от 20.02.2013) [Электронный ресурс]. URL: https://mines.gov-murman.ru/upload/iblock/b36/strategy_azrf.pdf (дата обращения: 15.05.2017).

26. Тарасова А.А. Демографическая безопасность Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/article/9085> (дата обращения: 15.05.2017).

27. Хельсинский заключительный акт ОБСЕ: 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505> (дата обращения: 28.04.2017).

28. Холодков В.М. О санкциях, их влиянии на Россию и нашей экономической политике [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований: [сайт]. URL: <https://riss.ru/analytics/11886> (дата обращения: 20.04.2017).

29. Хотькова Е.С., Глущенко Ю.Н., Аничкина Т.Б., Шишков А.С., Михайлов С.А. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.

30. Цян Сяоюнь. Влияние миграции на отношения между КНР и РФ: аспекты нетрадиционной безопасности. Пекин, 2010. (强「云」, 移民「代」中俄「系」的影「: 非「安全」角「的分析」. 北京「事」出版社, 2010).

31. Шанхайская конвенция ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 2001 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizaciya-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/579790 (дата обращения: 28.04.2017).

32. Шойгу С.К. Россия может создать сеть зарубежных военных баз от Сингапура до Никарагуа // Взгляд: деловая газета. 2014. 26 февраля.

33. IOC creates advisory panel for cyber security after hack // USA TODAY: [сайт].

URL: <https://www.usatoday.com/story/sports/olympics/2017/04/25/ioc-creates-advisory-panel-for-cyber-security-after-hack/100885860/> (дата обращения: 25.04.2017).

34. Pflug J. Keynote speech. China-Europe-Africa cooperation: Chances and Challenges [Электронный ресурс] // China-Europe-Africa cooperation: Chances and Challenges: The 6th Shanghai Workshop on Global Governance [Электронный ресурс]. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/china/05958.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

35. Mazumdar S. India's Modi sets sights on Central Asia [Электронный ресурс] // Deutsche Welle: [сайт]. URL: <http://www.dw.com/en/indias-modi-sets-sights-on-central-asia/a-18566797> (дата обращения 18.04.2017).

36. Piao Jianyi. The Overview of Security Environment to Build the “One Belt and One Road” // Annual Report on Development of Asia-Pacific (2015). Beijing: Social Sciences Academic Press, 2015. P. 59–76.

37. Riordan J., Krüger A. The International Politics of Sport in the Twentieth Century. New York: Taylor & Francis Group, 2004.

38. Roychoudhury S.M. Securitization Theory and Internal Ethnic Conflicts: Interrogating Select Cases from India and Sri Lanka [Электронный ресурс] // Working Draft to be presented in ISA Asia-Pacific Conference Hong Kong, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/AP%20Hong%20Kong%202016/Archive/4c5d66d5-e0e2-463b-b74f-c1c9e7261440.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

39. Sajjanhar A. India and Shanghai Cooperation Organization [Электронный ресурс] // The Diplomat [Сайт]. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization> (дата обращения: 19.04.2017).

40. Spaaij R. Sport in society research program. Terrorism and Security at the Olympics: Empirical Trends and Evolving Research Agendas [Электронный ресурс] // The International Journal of the History of Sport: [сайт]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09523367.2015.1136290> (дата обращения: 25.04.2017).

41. Resolution “Sport as a means to promote education, health, development and peace” (adopted by the General Assembly on 18.10.2010) [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/512/78/PDF/N1051278.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.04.2017).

42. Wang Xuejun. Retrospection on China's Participation in Africa's Peace and Security Building [Электронный ресурс]. URL: <http://210.72.21.12:8008/servlet/PagePreviewServlet?type=1&articleid=5863452&nodeid=537190&siteid=453> (дата обращения: 25.04.2017).

REFERENCES

1. Bogoljubova N.M., Nikolaeva Ju.V. *Sport v palitre mezhdunarodnyh otnoshenij: gumanitarnyj, diplomaticheskij i kulturnyj aspekty* [Sport in the palette of international relations: humanitarian, diplomatic and cultural aspects]. St. Petersburg, Faculty of International Relations of St. Petersburg State University Publ., 2011. 320 p.
2. Verlin E.G. [Black money and Yellow peril. If Russia loses its Far East region the Chinese people will be responsible for it]. In: *Ekspert* [Expert], 2002, March 18.
3. Vorobëv S.M., Erohin A.M. *Jetnopoliticheskie processy na Severnom Kavkaze: istochniki, dvizhushhie sily, tendencii* [Ethnopolitical processes in the North Caucasus: sources, driving forces, trends]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2002. 135 p.

4. Selin V.S., Skuf'ina T.P., Bashmakova E.P., scien.ed. *Vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti v Rossijskoj Arktike: nauchno-analiticheskij doklad* [Challenges and threats to the Russian national security in the Arctic. Scientific-analytical report]. Apatity: Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 53 p.

5. Gel'bras. V.G. [How many Chinese are there in Russia?]. In: *Vestnik Evrazii* [The Herald of Eurasia (Acta Eurasica)], 2001, no. 1, pp. 71–87.

6. Kochetov Je.G., ed. *Geoekonomika i konkurentosposobnost' Rossii. Nauchno konceptual'nye osnovy geoekonomicheskoi politiki Rossii: nauchno-analiticheskii doklad* [Geo-economics and competitiveness of Russia. Scientific and conceptual foundations of the Russian geo-economic policy: scientific and analytical report]. Available at: <http://al-leuropalux.org/filesserver/2010/46/geoeconomy.pdf> (accessed: 15.05.2017).

7. *Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Arkticheskoi zony Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21.04.2014 № 366)* [The Russian Federation Government Program “The Program of Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation until 2020” No. 366 21.04.2014]. Available at: <http://government.ru/programs/236/about> (accessed: 15.05.2017).

8. Dashkina I.V. [Interests of the Russian Federation in Central America: historical facts and the modern strategic orientation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 2, pp. 194–202.

9. *Deklaracija o sozdanii Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. 2001 g.* [Shanghai Declaration on the Establishment of the SCO. 2001]. Available at: <http://rus.sectsc.org/documents> (accessed: 28.04.2017).

10. *Informacija o social'no-jekonomicheskom polozhenii Rossii za 2016 god* [Information on socio-economic situation in Russia in 2016]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/info/oper-12-2016.pdf (accessed: 15.04.2017).

11. *Itogovyj doklad o migracionnoj situacii, rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti Federal'noj migracionnoj sluzhby za 2015 god* [Final Report on the migration situation, main results and directions of the activity of the Federal Migration Service in 2015]. Available at: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/Itogovyj_doklad_na_19.02.16.pdf (accessed: 15.05.2017).

12. Karimov D. [The migration issues will be discussed: Meetings of the heads of the EEA and CSTO states are held in Bishkek]. In: *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette]. Available at: <https://rg.ru/2017/04/13/v-kirgizii-sovmestili-sammity-odkb-i-evrazijskogo-soiuza.html> (accessed: 14.04.2017).

13. Jakunin V.I., ed. *Kitajskij global'nyj proekt dlja Evrazii: postanovka zadachi: analiticheskij doklad* [Chinese global project for Eurasia: problem statement: analytical report]. Moscow, Nauchnyj jekspert Publ., 2016. 130 p.

14. Makarychev A. [Safety as a phenomenon of public policy: general patterns and projections to the Baltic region]. In: Gornyi M.B., ed. *Publichnaya politika: voprosy myagkoi bezopasnosti v Baltijskoj regione* [Public policy: issues of soft security in the Baltic region]. St. Petersburg, Norma Publ., 2004, pp. 66–116.

15. Muharrjamov R.R. [Modern political processes of the Caspian region: milita-

rization of states as a factor of struggle for energy resources]. In: *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Person. Community. Administration], 2013, no. 1, pp. 79–88.

16. *Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2020 goda i dalnejshuju perspektivu (utverzhdeny Prezidentom Rossijskoj Federacii ot 18.09.2008 № Pr-1969* [Basics of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period till 2020 and for a further perspective (adopted by the President of the Russian Federation, 18.09.2008 (no Pr-1969)]. Available at: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (accessed: 15.05.2017).

17. *O hode realizacii Konceptii demograficheskoy politiki. 10 ijunja 2015. Vstupitel'noe slovo Dmitrija Medvedeva* [On the implementation of the Concept of Demographic Policy. Dmitry Medvedev's introductory remarks, June 10, 2015]. Available at: <http://government.ru/news/18449> (accessed: 15.05.2017).

18. *Parizhskaja hartija dlja novoj Evropy, 1990* [Paris Charter for the New Europe, 1990]. Available at: <http://www.osce.org/mc/39516> (accessed: 28.04.2017).

19. Perspektivy rossijskoj ekonomiki s točki zreniya sovetnika Putina. [Prospects for the Russian economy from the point of view of Putin's adviser]. In: *InoSML.ru*. Available at: <http://inosmi.ru/economic/20160801/237393603.html> (accessed: 18.03.2017).

20. Polevoj O. [Russian military bases abroad as a response to the USA]. In: *Politicheskaja Rossija: obshhestvenno-politicheskij internet zhurnal* [Political Russia: socio-political online magazine]. Available at: <http://politruussia.com/vooruzhennye-sily/set-zarubezhnykh-baz-893> (accessed: 11.10.2016).

21. Sanzharevskij I.L., comp. *Politicheskaja nauka: slovar'-spravochnik* [Political science: a dictionary-handbook]. Available at: www.glos.virmk.ru (accessed: 14.03.2017).

22. Rjazanov S.I. *Kitajskaja migracija v Rossiju: tendencii, posledstviya i podhody k regulirovaniju* [Chinese migration to Russia: trends, consequences and approaches to the regulation]. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie Publ., 2010. 148 p.

23. Staryh G. [African battlefield of France]. In: *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent Military Review]. Available at: http://nvo.ng.ru/history/2014-06-20/13_africa_france.html (accessed: 15.04.2017).

24. [Russian National Security Strategy]. In: *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (accessed: 18.04.2017).

25. *Strategija razvitija Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii ot 20.02.2013)* [The development strategy of the Arctic zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020 (approved by the President of the Russian Federation 20.02.2013)]. Available at: https://minec.gov-murman.ru/upload/iblock/b36/strategy_azrf.pdf (accessed: 15.05.2017).

26. Tarasova A.A. *Demograficheskaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii* [Demographic security of the Russian Federation]. Available at: <http://novainfo.ru/article/9085> (accessed: 15.05.2017).

27. *Hel'sinskij zakljuchitel'nyj akt OBSE: 1975g.* [Helsinki final act OSCE: 1975]. Available at: <http://www.osce.org/ru/mc/39505> (accessed: 28.04.2017).

28. Holodkov V.M. [On sanctions, their impact on Russia and our economic poli-

cy]. In: *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniï* [Russian Institute for Strategic Studies]. Available at: <https://riss.ru/analytics/11886> (accessed: 20.04.2017).

29. Hot'kova E.S., Glushhenko Ju.N., Anichkina T.B., Shishkov A.S., Mihajlov S.A. [The Arctic in the system of the modern international relations and Russia's national interests]. In: *Problemy nacional'noj strategii* [Problems of national strategy], 2014, no. 5 (26), pp. 9–43.

30. 强云, 移民时代中俄关系的影: 非安全角的分析. 北京事出版社, 2010 (Russ. and Eng. ed.: Cjan Sjaoujun'. *Vlijanie migracii na otnoshenija mezhdù KNR i RF: aspekty netradicionnoj bezopasnosti* [The impact of migration on the relations between China and Russia: non-traditional security aspects]. Pekin, 2010).

31. [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. 2001]. In: *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Available at: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacii-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/579790 (accessed: 28.04.2017).

32. Shojgu S.K. [Russia can create a network of foreign military bases from Singapore to Nicaragua]. In: *Vzglyad: delovaja gazeta* [View: Business Newspaper], 2014, 26 February.

33. IOC creates advisory panel for cyber security. In: *USA TODAY*. Available at: <https://www.usatoday.com/story/sports/olympics/2017/04/25/ioc-creates-advisory-panel-for-cyber-security-after-hack/100885860> (accessed: 25.04.2017).

34. Pflug J. Keynote speech. China-Europe-Africa cooperation: Chances and Challenges. In: *China-Europe-Africa cooperation: Chances and Challenges : The 6th Shanghai Workshop on Global Governance*. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/china/05958.pdf> (accessed: 15.04.2017).

35. Mazumdar S. India's Modi sets sights on Central Asia. In: *Deutsche Welle*. Available at: <http://www.dw.com/en/indias-modi-sets-sights-on-central-asia/a-18566797> (accessed: 18.04.2017).

36. Piao Jianyi. The Overview of Security Environment to Build the “One Belt and One Road”. In: *Annual Report on Development of Asia-Pacific (2015)*. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2015, pp. 59–76.

37. Riordan J., Krüger A. The International Politics of Sport in the Twentieth Century. New York, Taylor & Francis Group, 2004.

38. Roychoudhury S.M. Securitization Theory and Internal Ethnic Conflicts: Interrogating Select Cases from India and Sri Lanka. Working Draft to be presented in ISA Asia-Pacific Conference Hong Kong, 2016. Available at: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/AP%20Hong%20Kong%202016/Archive/4c5d66d5-e0e2-463b-b74f-c1c9e7261440.pdf> (accessed: 20.04.2017).

39. Sajjanhar A. India and Shanghai Cooperation Organization. In: *The Diplomat*. Available at: <http://thediplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization> (accessed: 19.04.2017).

40. Spaaij R. Sport in society research program. Terrorism and Security at the Olympics: Empirical Trends and Evolving Research Agendas. In: *The International Journal of the History of Sport*. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09523367.2015.1136290> (accessed: 25.04.2017).

41. Resolution “Sport as a means to promote education, health, development and peace” (adopted by the General Assembly on 18.10.2010). Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/512/78/PDF/N1051278.pdf?OpenElement> (accessed: 17.04.2017).

42. Wang Xuejun. Retrospection on China’s Participation in Africa’s Peace and Security Building. Available at: <http://210.72.21.12:8008/servlet/PagePreviewServlet?type=1&articleid=5863452&nodeid=537190&siteid=453> (accessed: 25.04.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Цыганков Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; e-mail: tsygankp@mail.ru

Карabanова Мария Александровна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: m_karabanova@mail.ru

Бортников Владимир Сергеевич – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: Bort.Vlad.Serg@yandex.ru

Юань Сюнь – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: qggw1989@163.com

Болохов Иван Игоревич – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: bolohov@gmail.com

Дай Вэйцзин – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: daiweijing@gmail.com

Мамедов Интигам Байрам оглы – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: intiga-m@yandex.ru

Дорохина Ксения Михайловна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: kсениадорохина@gmail.com

Паршина Татьяна Николаевна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: tatyana777parshina@gmail.com

Тюренкова Елена Николаевна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: e.turenkova@yandex.ru

Дашкина Ирина Владимировна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: dashkina_irina@mail.ru

Груздева Полина Олеговна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: polinagruzdeva@yahoo.com

Pavel A. Tsygankov – Doctor in Philosophical sciences, professor at the Department of international relations and integration processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: tsygankp@mail.ru

Mariya A. Karabanova – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: m_karabanova@mail.ru

Vladimir S. Bortnikov – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: Bort.Vlad.Serg@yandex.ru

Yuan Xin – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: qggw1989@163.com

Ivan I. Bolokhov – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: bolohov@gmail.com

Dai Weijing – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: daiweijing@gmail.com

Intigam Mamedov – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: intiga-m@yandex.ru

Kseniya M. Dorokhina – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kseniadorokhina@gmail.com

Tatyana N. Parshina – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: tatyana777parshina@gmail.com

Elena N. Tyurenkova – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: e.turenkova@yandex.ru

Irina V. Dashkina – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: dashkina_irina@mail.ru

Polina O. Gruzdeva – postgraduate student at the Department of comparative political science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: polinagruzdeva@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Глобальная и региональная безопасность в условиях меняющегося миропорядка (круглый стол) / П.А. Цыганков, М.А. Карабанова, В.С. Бортников, Юань Сюнь, И.И. Болохов, Дай Вэйцзин, И.Б. оглы Мамедов, К.М. Дорохина, Т.Н. Паршина, Е.Н. Тюренкова, И.В. Дашкина, П.О. Груздева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Tsygankov P.A., Karabanova M.A., Bortnikov V.S., Yuan Xin, Bolokhov I.I., Dai Weijing, Mamedov I., Dorokhina K.M., Parshina T.N., Tyurenkova E.N., Dashkina I.V., Gruzdeva P.O. Global and regional security in terms of the changing world order (Round table). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru